

Таким образом, имеющиеся в ГАХО архивные документы подтверждают, что Михаил Максимович работал в Харьковском окружном суде примерно полтора года – с 19 июня 1918 г. и, по крайней мере, по октябрь 1919 г. В это время Харьков пережил правление гетмана П.П. Скоропадского (с мая до ноября 1918 г.), Директории (ноябрь – декабрь 1918 г.), большевиков (январь – июнь 1919 г.) и Добровольческой армии (июнь – декабрь 1919 г.).

Живя в Харькове и наблюдая происходящее, М. Максимович решил посвятить себя подвижническому пути служения в лоне Православной Церкви [8]. Как скажет впоследствии сам святитель Иоанн в Слове при наречении во епископа Шанхайского: «Изучая светские науки, я все больше углублялся в изучение науки наук, в изучение духовной жизни. Монастырь, где жил архипастырь [Антоний Храповицкий, будущий первоиерарх РПЦЗ], и церковь привлекали меня больше, чем место, где я учился высшим светским наукам. Совершившееся крушение государственной мощи нашего Отечества убедило меня окончательно в непрочности всего земного и слабости человеческих сил и способностей, и я решил отречься от сует земного мира, посвятив себя едино служению Богу» [9].

Литература

1. Черномаз П.А. Харьковская ветвь родового древа святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (что скрывали архивы) / П.А. Черномаз // Матеріали науково-практичної конференції до 25-річчя Харківського Архієрейського Собору 1992 року, 27 квітня 2017 р., м. Харків. – Х.: Майдан, 2017. – С. 94-97.
2. Черномаз П.А. Харьковский период жизни святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича) / П.А. Черномаз // Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні питання богослов'я та історії Церкви» (до 1900-річчя преставлення св. ап. і єв. Іоанна Богослова), 5 жовтня 2017 р., м. Харків. – Харків: ХДС, 2017. – С. 143-146.
3. Список студентов Императорского Харьковского университета на 1914–1915 академический год. – Х.: Типография «Печатное Дело», 1915. – 269 с. + 10 с.
4. Серафим (Роуз), иером. Блаженный Святитель Иоанн Чудотворец: изд. 2-е, испр. и доп. / Серафим (Роуз), иером., Герман (Подмошенский), игум. – М.: Изд. Дом Русский Паломник, 2008. – 927 с.
5. Формулярные списки чиновников окружного суда, фамилии которых начинаются на букву М // ГАХО. – Ф. 372. – Оп. 2. – Д. 20. – 146 л.
6. Требовательные ведомости служащих окружного суда за 1919 год // ГАХО. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 624. – 23 л.
7. Производство о выдаче авансов в счет жалованья за 1919 год // ГАХО. – Ф. 372. – Оп. 1. – Д. 628. – 75 л.
8. Черномаз П.А. Слобожанская земля – место духовного становления святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского (Максимовича) / П.А. Черномаз // Евангелие в контексте современной культуры. 1917-2017: Уроки столетия: сборник материалов V Междунар. научн.-практ. конф., г. Белгород, 18 мая 2017 г. / под ред. Т.И. Липич, С.М. Дергалева. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 27-31.
9. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, свт. Слово при наречении во епископа Шанхайского [Электронный документ]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maksimovich/slovo-pri-narechenii-vo-episkopa-shankhajskogo/ (дата обращения: 26.03.2018).

Виталий Викторович Пенской
д.и.н., профессор НИУ «БелГУ»
Татьяна Михайловна Пенская
к.и.н., доцент НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

2-я половина XV – середина XVI вв. – время, когда завершается в целом растянувшийся на несколько десятилетий процесс формирования Русского государства. В отечественной исторической литературе за ним прочно утвердилось наименование «централизованного», хотя в последние годы среди историков как в самой России, так и за ее пределами, все чаще высказываются сомнения относительно степени и качества его «централизованности» Дискуссионность этого термина применительно к реалиям раннего Нового времени, те не менее, не должна закрывать перед нами тех реальных изменений,

которые имели место в политических, административных, экономических, социальных и иных структурах русского общества и государства.

Одной из важнейших черт этих перемен являлась, на наш взгляд, их постепенность, эволюционность, растянутость во времени. «Незаметность» (на первый взгляд) изменений гарантировала определенную преемственность, ненарушимость политической, административной и правовой традиций и столь чаемую обществом и властью стабильность и предсказуемость [См., например: 1, с. 2]. Этот неспешный сценарий строительства гарантировал (в известной степени) отсутствие «великих потрясений» и, в конечном итоге, способствовал примирению общества с постепенно вызревавшими новшествами, которые рано или поздно перерастали в качественно иную стадию.

Немаловажную роль в этих процессах играла идеологическая легитимация этих постепенных изменений [См., например: 3]. В тогдашних реалиях эта функция возлагалась на религию и те общественно-политические институты, которые ее обслуживали и выступали в роли носителей ее ценностей и идеологем. В России раннего Нового времени (как, впрочем, и в других современных ей государствах и обществах) эту роль выполняла Русская Православная Церковь. Она вырабатывала и обеспечивала всей силой своего авторитета и влияния исправное функционирование «царского» «дискурса», без которого нормальная работа слабой, недостаточно развитой государственной машины, нуждавшейся в поддержке и лояльности «политической нации» (под которой мы понимаем влиятельные и способные оказывать воздействие на власть группировки и слои в обществе) было бы чрезвычайно затруднено.

Анализируя особенности взаимодействия церкви и государства в России в раннее Новое время, мы исходили из того, что его «централизованность» была скорее неким идеалом, но никак не реальностью, причем, что характерно, это явление было присуще не только России, но и другим современным ей государствам Европы. В этом отношении мы согласны с мнением американского историка Н. Коллманн [См.: 3, pp. 1]. Этот же «континуум» в общем и в целом хорошо укладывается в рамки, принимая, конечно же, в расчет местные региональные отличия, модели т.н. «composite state», предложенной британскими историками Г. Кенигсбергером и Дж. Эллиотом [См.: 4; 5].

Суть данной концепции заключается в том, что раннемодерные монархии в силу своей административной слабости и ряда других причин не могли быстро и эффективно утвердить новые политические, административные, судебные, правовые и иные практики, заставить их эффективно функционировать и были вынуждены мириться с сохранением множества пережитков «старинны». Новый порядок насаждался постепенно, сверху, посредством нескольких «стратегий». Одна из них предполагала своего рода «заигрывание» верховной власти с местными политическими элитами, стремясь сохранить их лояльность посредством сохранения значительной части их «вольностей» и привлечения к управлению государством как на местном, так и на центральном уровнях [См.: 5, pp. 57].

Ключевое положение этой стратегии – достижение взаимного согласия между верховной властью и влиятельными элитами и в центре, и на местах. При этом необходимо учитывать, что в силу особенностей исторического момента речь идет не только о светской элите, но и об элите религиозной. В раннемодерном обществе религия играла, и не только духовной, но и политической и правовой, весьма существенную роль. Отсюда проистекала третья «стратегия», суть которой Н. Коллманн применительно к таким «империям» (понимая под ними многонациональные государства, включающие в себя территории с разным уровнем социально-экономического, политического и культурного развития), как Габсбургская, Османская или Российская, определяла как стремление верховной власти упрочить свою легитимность, гарантировать лояльность подвластного населения через активное применение ритуального, идеологического и символического «дискурсов» [3, pp. 21].

Этот «дискурс», по мнению американского историка, состоял в том, что государь должен был соответствовать образу справедливого, благочестивого, истинно православного царя, обеспечивать правосудие, защищать своих людей и церковь [3, pp. 21, 401, 402]. Исторический опыт показывает, что от того, насколько московский государь и его действия соответствовали бытующим в обществе критериям «царского» «дискурса», зависели его авторитет, его влияние, его жизнь и судьба его династии. Печальная судьба Бориса Годунова и его сына Федора, а также Лжедмитрия I, который попытался выйти за рамки этой модели, тому яркий пример.

Но, говоря о «царском дискурсе», необходимо учитывать, что его создателем и «справщиком»-редактором Русская Православная церковь в лице ее административной и в особенности интеллектуальной элиты. Принимая же во внимание немалый вес Церкви не только в идеологической и интеллектуальной сфере, но и в сфере экономической, верховная власть была вынуждена учитывать позицию Церкви, принимая те или иные решения как во внешней, так и во внутренней политике. Поэтому, изучая процессы, связанные со становлением «централизованного» Русского государства, выработкой и распространением новых политических, административных, судебных, правовых и иных практик, мы не можем не принимать в расчет позицию Церкви и степень (и характер) ее участия в выработке этих практик. Подчеркнем еще раз – по нашему глубочайшему убеждению без ее, Церкви, как идеологической (в первую очередь), так и технической (обеспечение грамотности так или иначе, но находилось в руках Церкви) и иной поддержки эти практики не могли не состояться, ни функционировать должным образом.

Таким образом, рассматривая взаимодействие верховной власти и церкви на Руси в контексте формирования раннемодечного государства и характерных для него институтов и практик, прежде всего отметим, что сотрудничество великого князя как светского владыки и митрополита как владыки духовного имело давние и прочные корни. Не вызывает сомнения тот факт, что средневековые русские книжники, моделируя характер отношений между верховной светской и духовной властями, исходили из известной византийской модели «симфонии» как со-трудничества двух властей по достижению единой цели – сохранению православного мира, православного «града земного» и созданию необходимых условий для конечного спасения «общины верных». Естественно, что эта «доктрина» носила в известной степени неформальный, неписанный характер и не была четко и недвусмысленно зафиксирована в каких-либо официально заверенных верховной властью актах-хартиях (наподобие пресловутой «Великой хартии вольностей»). Неписанность, неформализованность отношений государства и Церкви – характерная черта русской раннемодечной политико-правовой традиции.

Однако отсутствие такой формализации вовсе не означало, что власть могла пренебречь мнением Церкви и ее иерархов, не принять во внимание их позицию в тех или иных вопросах. Моральная и идеологическая поддержка Церкви для верховной власти всегда значила очень и очень многое, и, предпринимая те или иные действия в сфере внешней ли, внутренней ли политики, власть стремилась заручиться такой поддержкой. Ради этого верховная власть могла даже пойти на грубое вмешательство во внутренние дела Церкви, невзирая на то, что такие шаги могли вызвать определенную напряженность в отношениях с нею. Церковь, в свою очередь, полагала возможным оказывать воздействие на верховную власть и настаивать на отмене тех или иных решений, если полагала определенные ее действия несоответствующими канонам православия.

Примеров такого взаимодействия можно привести немало. Так, на рубеже 70-х – 80-х гг. XIV в. попытка великого князя Дмитрия Ивановича, нуждавшегося в поддержке Церкви в момент обострения отношений с Ордой и Литвой, поставить на митрополичью кафедру своего кандидата привела к серьезному конфликту между ним и митрополитом Киприаном. Спустя почти полсотни лет твердая позиция митрополита Фотия, поддержавшего право внука Дмитрия Ивановича на московский стол, остудила страсти и предотвратила (хотя бы на время) готовую вот-вот разразиться междуусобицу. Церковь

сыграла значимую роль в легитимации процесса освобождения Русского государства от ордынской зависимости.

Эти и другие аналогичные случаи не должны, однако, заслонять перед нашим взором более важный вклад, который сделал Церковь в становление «централизованного» Русского государства. Речь идет о пресловутом «царском» «дискурсе», о котором мы упоминали прежде и который сыграл важную, если не определяющую роль в легитимации верховной власти в этот переломный момент русской истории.

Касаясь этого «дискурса», российский историк И.Б. Михайлова отмечала, что «в XV – XVI вв. русские книжники на основе широкого круга письменных источников, раннехристианских, византийских и отечественных памятников с учетом традиционных представлений современников, разработали учение о Московском православном царстве во главе со ставленником Христа, имевшем тело смертного человека и в нем божественную душу». Отметим, кстати, что представления современников сыграли чрезвычайно важную роль, ибо та текстовая база, на основе которой разрабатывался на Руси «царский» «дискурс», была существенно уже, чем в той же Византии. Это связано с особенностями трансляции и рецепции византийского культурно-религиозного наследия на Руси, когда изначально объем переданной новообращенным христианам от «греков» информации был существенно ограничен.

«Вслед за византийскими мыслителями, – продолжала дальше свою мысль историк, – они (русские средневековые интеллектуалы – Авт.) призывали государя подражать Всевышнему, совершенствовать Богом дарованные ему добродетели, используя обширную власть, добиваться процветания Русской державы, справедливо управлять ею и надежно защищать ее от внешних и внутренних врагов» [6, с. 19]. При этом Церковь возлагала на государя ответственность не только за свои деяния, но и за поступки и прегрешения своих подданных. В этом плане весьма любопытным представляется своего рода «бестселлер» русской книжности позднего Средневековья – «Наказание» (в смысле поучение, наказ), приписываемое тверскому епископу Симеону (умер в 1289 г.), которое примечательно прежде всего тем, что в нем четко просматривается тезис относительно ответственности князя за деяния своих администраторов [7, с. 376].

Тезис об ответственности князя за действия его администраторов не менее четко и недвусмысленно просматривается, к примеру, и в писаниях знаменитого Иосифа Волоцкого. Обращаясь к великому князю (Ивану III-?), святой указывал, что Господь наделил его, князя, великой властью для того, чтобы он твердо придерживался законов и боролся со всяким беззаконием. В твоём попечении, говорил Иосиф, обращаясь к князю, попечение о телесном благополучии подданных, имея в виду борьбу с разбоями, убийствами, всякого рода покушениями на собственность, честь и достоинство и, само собой, с неправым судом, «неправдой» [8, с. 183, 184.].

На этой же позиции твердо стоял и Максим Грек. В одном из своих сочинений он, сравнивая государя с солнцем, писал, что подобно тому, как солнце своими лучами освещает и согревает окружающий мир, так и душа великого князя, исполненная кротости, щедрости, чистоты и правды, освещает, украшает и на совершение добрых дел подвигает своих подданных. Напротив, если государь ведет неподобающий образ жизни, если его душа одолеваема яростью, гневом и прочими подобными неподобающими царскому званию страстями, то и все остальное также помрачится, впадет в мятеж и буйство [9, с. 164-165].

О том, что верховная власть всерьез воспринимала такого рода обращения, свидетельствует один весьма показательный пример. В 1479/80 гг. великий князь «свел» с Великих Лук своего наместника князя Ивана Лыко Оболенского, и лучане, воспользовавшись своим правом, били на бывшего наместника челом, обвинив его и его людей во всяческих злоупотреблениях и лихоимствах, учиненных в Луках и их пригородах. Следствие, проведенное по приказу Ивана III, подтвердило факты, изложенные в челобитной, и великий князь приказал Лыко Оболенскому возместить

нанесенный ущерб и оплатить все судебные расходы и прочее. Когда же бывший наместник, оскорбленный в лучших чувствах, отъехал к брату великого князя князю Борису Васильевичу, то Иван не остановился перед тем, чтобы нарушить договор с удельным князем, дабы наказать виновника, хотя Лыко Оболенский после отъезда формально подлежал юрисдикции удельного князя. Другой, не менее показательный пример имел место зимой 1557 г. Князь М.В. Глинский с ратью, отправляясь по государеву наказу воевать Ливонию, допустил, что по дороге его воины учинили бесчинства и грабежи. Пострадавшие от их действий псковичи били челом Ивану Грозному с тем, чтобы тот покарал виновных и возместил причиненный ущерб. И снова, как и в предыдущем случае, проведенное расследование подтвердило факты грабежей и насилий, князь Глинский попал в опалу, а псковичи получили возмещение [10, с. 86].

Обращает на себя внимание и другое требование Иосифа Волоцкого – требование пещись о духовном здравии своих подданных. В этом с ним солидарен, к примеру, старец Филофей, автор знаменитого послания к Василию III, в котором была сформулирована идея о том, что Москва есть III Рим. Он также указывал на то, что в обязанности великого князя непременно входит и борьба с еретиками [11, с. 359].

Не менее, если не более важной, была и другая обязанность, которую налагали на государя русские книжники – защита, оборона малых сих от иноплеменных, защита православной веры и церкви от иноверцев. Два Рима пали, поучал Василия III старец Филофей, а третий, Москва, стоит, четвертому же не бывать. И потому, продолжал он, на плечи православного государя возлагается чрезвычайно ответственная и вместе с тем тяжкая ноша и обязанность сохранения последнего истинного христианского царства. Этот мотив хорошо просматривается в упомянутом выше послании ростовского архиепископа Вассиана Ивану III, написанном осенью 1480 г. Еще более ярко и наглядно просматривается требование к государю как защитнику веры и «верных» в серии посланий, которые вышли из-под пера русских православных иерархов в период Казанской войны 1545-1552 г. – митрополита Макария и новгородского архиепископа Феодосия [См., например: 12].

Подводя общий итог всему вышесказанному, отметим, что для того, чтобы соответствовать образу действительного благочестивого, истинно православного монарха, русскому государю нужно было тщательно следовать неписаному, но от того не становившемуся менее обязательным кодексу поведения. Основу этого кодекса составляли три требования, три главных функции, которые должен был с особым тщанием исполнять истинный государь. То, чего ожидали от него его подданные – это, во-первых, соответствие образу справедливого судьи и защитника слабых. Эта функция, как отмечала Н. Коллманн, полагалась едва ли не важнейшей [См.: 3, pp. 26].

Вторая функция была связана с его обязанностями как православного государя. Поскольку к моменту завершения работы над «теорией» православного государя Русское государство осталось последним независимым православным государством (Византийская империя и балканские православные государства к тому времени уже были покорены турками, а в Великом княжестве Литовском католичество доминировало над православием, и чем дальше, тем больше), то православная церковь возлагала на великого князя особые надежды именно как на защитника веры, защитника православия, борца с ересями и блюстителя православной морали и нравственности.

С этой функцией напрямую была связана и третья – московский государь обязан был силой оружия защищать и веру, и церковь, и своих православных подданных от иноплеменных и иноверцев, не допустить повторения сценария падения Византийской империи.

Только при соблюдении этих требований церковь была готова поддержать действия великого князя и дать ему необходимую недостающую легитимность, которую на тот момент он не мог обеспечить себе иными способами. Отсюда и вытекает особая

значимость Церкви как одного из деятельных и важнейших участников создания раннемоде́рного Русского государства.

Литература

1. Пенской, В.В. 2015. Святой или “Erbfeind gantzer christenheit”? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность. Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3(5): 110-125. Дата последнего обращения 14.04.2018. http://trhumanities.ru/media/humanities/2015/3/Penskoy_Ivan_Grozny.pdf
2. Пенской, В.В. 2015. «На свое на дело государево и на земское...». Научный результат: Сетевой научно-практический журнал. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1, вып. 4 (6). 70-75: Дата последнего обращения 03.12.2017. http://trhumanities.ru/media/humanities/2015/4/Penskoy_recenziya.pdf
3. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press: 504.
4. Koenigsberger, H. G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society. Vol. 5. 2:* 191-217.
5. Elliott, J. H. 1992 A Europe of Composite Monarchies. Past & Present. Number 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48-71.
6. Михайлова, И.Б. 2010. И здесь сошлись все царства... Санкт-Петербург. Дмитрий Буланин: 648.
7. Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси (1969). М. Художественная литература: 627.
8. Иосиф Волоцкий. 2007. Послания. СПб., издательство АН СССР: 392.
9. Максим Грек. 1860. Сочинения. Т. 2. Казань. Казанская духовная академия: 460.
10. Пенской В.В. 2012. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История, Политология. Экономика. Информатика. № 13 (132). 2012. Вып. 23. Белгород: Изд-во БелГУ, 2012: 82-88.
11. Синицына Н.В. 1998. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). М. Индик: 415.
12. Филошкин А.И. Грамоты новгородского епископа Феодосия, посвященные Казанскому взятию. Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 10. ИМЛИ РАН: 327-346.

Оксана Александровна Паршина

Преподаватель Стахановского педагогического колледжа
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
(ЛНР, Стаханов)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В СТАХАНОВСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

*«Мы должны закладывать в наших детей
духовно-нравственный код, который поможет им
вырасти полноценными гражданами»
митрополит Илларион (Алфеев)*

Основная миссия учебных заведений – образование. Это единый, целенаправленный процесс воспитания и обучения, а так же совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций [1].

По словам Мацевича, первым этапом знаний, которые необходимо дать ребенку, должно стать введение в метафизику, чтобы он знал, что есть душа, есть разум, есть тело, что существует связь с душой и разумом, с душой и телом, душой и Богом. Следующим этапом должно стать ознакомление с обычаями страны, где ребенок родился и где ему жить [2].

Дети Луганщины, Донецкого юга России, в последние годы оказались достаточно в непростой ситуации смен ориентиров, ценностей, обычаев. Связано это с политическими процессами, которые проходят на нашей территории. Но это не должно останавливать процесс воспитания молодого поколения. Ведь что такое воспитание – это деятельность, направленная на развитие личности на основе духовно–нравственных, религиозных ценностей.

Религиозные ценности – это особая система ценностей, отличающаяся устойчивостью, всеобъемлемостью, универсальностью и непререкаемостью. Ценностные